

Цзинь Луаньдянь подумал, что эти двое, скорее всего, были посланы Шэнь Хуайчжаном, и сразу же почувствовал досаду и раздражение. Раньше он находился под его домашним арестом, а теперь — под наблюдением. Однако перед Лун Юйлинем он всегда говорил только о хорошем:

— Ничего, давай зайдём в комнату.

Лун Юйлинь включил свет в комнате и похлопал его по плечу:

— Ты весь мокрый и липкий, пойдёшь быстрее в ванную, чтобы не простудиться.

Хотя это был незнакомый отель, но, пока рядом был Лун Юйлинь, Цзинь Луаньдянь чувствовал себя в полной безопасности. Быстро сняв мокрую одежду, он сел в теплую воду, выловил полотенце и начал энергично вытираться. Затем, расслабив все тело, он откинулся назад, закрыл глаза и с наслаждением глубоко вздохнул.

Вдруг он услышал, как открылась дверь, и, обернувшись, увидел Лун Юйлиня. Тот повесил чистую одежду на вешалку:

— Сначала надень мою одежду, завтра заберем твой багаж.

Нечаянно задев локтем тяжелую мокрую одежду, Лун Юйлинь нагнулся, чтобы поднять ее. С легким стуком из кармана выпала маленькая шкатулка из красного дерева. Лун Юйлинь поднял ее и спросил:

— Что это?

Цзинь Луаньдянь выпрямился и, вытянув шею, сказал:

— Наверное, все промокло, давай выложим, чтобы просохло.

Лун Юйлинь открыл защелку шкатулки, и внутри оказалась прядь мокрых волос. Эти волосы он узнал бы даже в пепле. Положив шкатулку на умывальник, он подошел к ванне, провел рукой по волосам Цзинь Луаньдяня и с нежностью улыбнулся:

— Зачем ты это с собой носил?

Цзинь Луаньдянь вспомнил их мимолетную встречу в лагере Бэйдаин. Еще позавчера ночью он держал эту косичку в руках, засыпая. Если бы он не пришел, старший брат чуть не погиб:

— Говорят, твоя судьба — твоя судьба. Ты не веришь, а я верю.

Лун Юйлинь смотрел на его нежную шею и розовое лицо, и чем больше смотрел, тем больше находил его жалким и милым. Наклонившись, он снял шорты и шагнул в ванну.

— Старший брат, тут уже негде сесть, — сказал Цзинь Луаньдянь, отодвигаясь назад, чтобы

освободить место.

Лун Юйлинь сел перед ним и с удовольствием произнес:

— Старший брат хочет, чтобы ты ему спину потерял.

Цзинь Луаньдянь посмотрел на следы от плетей на его груди, которые уже не были темно-красными и страшными, а выглядели как розовая молодая кожа. В это же время Лун Юйлинь заметил татуировку на его ребрах и потянулся к ней:

— Что это?

Цзинь Луаньдянь попытался прикрыть, но не смог:

— Татуировка.

Лун Юйлинь фыркнул:

— Почему ты набил собачий хвост? Больно было?

— Уже давно не болит, — ответил Цзинь Луаньдянь, взяв мокрое полотенце и приложив его к его шее:

— Старший брат, ты больше всех меня жалеешь.

Лун Юйлинь повернулся в тесном пространстве, положил руки на край ванны и, наклонив голову, улыбнулся:

— Глупости, своего младшего брата я сам должен жалеть, разве можно ждать, чтобы это делал кто-то другой.

Цзинь Луаньдянь смотрел на затылок Лун Юйлиня, и в его сердце поднялось странное чувство. С тех пор как он себя помнил, он родился и вырос в семье Лун. Стихийные бедствия и человеческие несчастья были его судьбой, а все его скитания были результатом его собственных ошибок. Он хотел вернуться в свои одиннадцать-двенадцать лет, когда он целыми днями находился рядом со старшим братом, не зная забот.

Цзинь Луаньдянь прижал свою напряженную и гладкую грудь к спине Лун Юйлиня, обнял его за шею одной рукой и с чувством произнес:

— Старший брат, я хочу домой. Не мсти больше, поедem в Тяньцзинь, вернемся в Шанхай, купим приличный дом и будем жить спокойно.

Лун Юйлинь не понимал мыслей Цзинь Луаньдяня и прямо ответил:

— Так нельзя. Шанхай — это владения, которые завоевал дед, как можно просто отдать их? Я обязательно верну их.

— Старший брат, — Цзинь Луаньдянь тихо потряс его за плечи:

— Посмотри, как мы живем. Жизнь не жизнь, люди не люди. Раньше ты не позволял мне мстить за отца, а сам разве не держишь в сердце свою месть? Твой дед завоевал свои владения, а если бы мой отец был жив, мои владения были бы не меньше твоих. Ты можешь мстить, а я разве не могу?

Лун Юйлинь считал, что месть Цзинь Луаньдяня должна остаться в прошлом поколении, а его собственная месть была живой и кровавой, и от нее нельзя было отказаться. Он также был удивлен, что Цзинь Луаньдянь сказал такое, и на мгновение не смог возразить. Взяв его за руку, он ушел от темы:

— Что значит «жизнь не жизнь, люди не люди»? Ты еще молод, впереди у тебя долгая жизнь.

Цзинь Луаньдянь хлопнул его по груди, поддразнивая:

— Кто живет в чужом доме? Еще и работает на них, становится зятем, который переехал в дом жены. А если родится ребенок, он будет носить их фамилию?

Лун Юйлинь не нашелся что ответить, только закашлялся и засмеялся, а потом сказал:

— Сейчас просто нет другого выхода!

Цзинь Луаньдянь не отпускал его:

— Как это нет выхода? Скажи, зачем ты сюда приехал? Эти люди просто развлекаются, а ты покорно приходишь, чтобы они над тобой смеялись. Дядя Гэ — герой, но и хитрец тоже. Такой конец лучше, чем у Хуан Жэньюя, который умер без могилы. Ему не нужно беспокоиться о еде и одежде, в его возрасте пора уже спокойно жить на пенсии, а не тратить силы на то, чтобы разбираться с его разбитыми войсками.

Лун Юйлинь не знал, когда Цзинь Луаньдянь стал таким красноречивым, и не смог возразить. Сыграв на хитрость, он сказал:

— Ты ничего не понимаешь, давай быстрее мойся, потом спать.

Цзинь Луаньдянь, видя, что он непробиваем, а его спина словно каменная стена, слегка разозлился и схватил его за промежность:

— Я не хочу жить впустую!

Лун Юйлинь вздрогнул и громко воскликнул:

— Эй!

Цзинь Луаньдянь бросил полотенце и обеими руками начал щекотать его, как обезьяна. Ему вдруг захотелось пошалить, и, кроме Лун Юйлиня, он ни с кем бы так не стал.

Лун Юйлинь, оказавшись между двух огней, смеясь и хихикая, расплескал воду из ванны и сдался:

— Ладно, ладно, безумец, ты меня до ручки довел!

Цзинь Луаньдянь снова потянулся и понял, что это не шутка — тот самый орган под полотенцем стоял наготове, словно готовый выскочить. Цзинь Луаньдянь остановился и откинулся назад, подумав, что старший брат все еще невинен и его легко смутить. Как только игра прекратилась, палатка перед Лун Юйлинем постепенно опала.

После ванны они вернулись в спальню. Лун Юйлинь вытер ему волосы, а затем медленно и аккуратно почистил ему уши ватной палочкой. Цзинь Луаньдянь, положив голову ему на колени, спросил:

— Старший брат, ухаживать за отцом тяжело, да? Он все еще не может двигаться?

Лун Юйлинь, услышав, что он сам заговорил о Лун Тянься, почувствовал смешанные чувства и мягко ответил:

— В возрасте восстановление идет медленно, через полгода кости и мышцы не станут крепкими, но если хорошо заботиться, то постепенно сможет ходить. Я тоже не часто бываю дома, в основном дядя за ним ухаживает.

Цзинь Луаньдянь потер лоб о его колено:

— Раньше дядя всегда хотел забрать меня к себе, а теперь забрал тебя.

Закончив чистить уши, Лун Юйлинь дунул ему в ухо:

— У нас с ним крепкая дружба.

Щекотливое ощущение заставило Цзинь Луаньдяня вздрогнуть. Он обнял Лун Юйлиня за талию и, уткнувшись лицом в его живот, сказал:

— Но у нас с тобой дружба крепче. Если бы я был девушкой, я бы вышла за тебя замуж и родила бы кучу маленьких дракончиков. А если бы ты был девушкой, ты бы родила кучу золота.

Сказав это, он почувствовал неловкость, перевернулся на кровати и, отвернувшись к Лун Юйлиню, закрыл глаза, думая, что старший брат сейчас посмеется над ним.

Лун Юйлинь забрался на кровать и хлопнул его по заднице:

— Конечно, если бы ты был девчонкой, я бы давно тебя взял, но что с того? Я твой старший брат, я тебя люблю и балую, и ты не будешь обделен. Спи, завтра у нас будет много дел.

Цзинь Луаньдянь рядом с Шэнь Хуайчжаном не мог спать всю ночь, а теперь мог спокойно наслаждаться сном. Но, переборщив с радостью, он стал еще бодрее, а Лун Юйлинь заснул раньше него.

Цзинь Луаньдянь медленно повернулся и при слабом лунном свете внимательно рассмотрел лицо Лун Юйлиня. В его сердце поднялась волна чувств, и не потому, что это был кто-то особенный, а потому, что это был самый близкий ему человек, без вражды, без обид, самый любимый. Цзинь Луаньдянь, видя, что он крепко спит, смело продолжал смотреть. Его взгляд скользнул вниз по горлу и остановился на промежности. Там что-то явно выпирало. Цзинь Луаньдянь, как вор, протянул руку и потрогал. Оно действительно снова встало. Он убрал руку, а равномерное дыхание Лун Юйлиня продолжало звучать в ушах. Ему стало еще труднее уснуть.

<http://bllate.org/book/15577/1386825>